

УДК 141
ББК 87.3

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ РЕЧИ И ПИСЬМА В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Хлебникова Ольга Владимировна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры истории, философии и культурологии,
Омский государственный университет путей сообщения
hlebnikova_ov@mail.ru
просп. К. Маркса, 35, 644046 г. Омск, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению рефлексии по поводу проблемы соотношения устной речи и письма в современной западной философии. В целях обеспечения максимального удобства исследования выделяется несколько важнейших направлений в развитии соответствующей предметной области, как то: деятельностное, семиологическое, постсемиологическое, аналитическое, коммуникативное, герменевтическое и феминистское направления. Основанием предложенной классификации служит указание на характерное для каждой точки зрения фундаментальное толкование содержания понятия «язык». В статье рассматриваются базовые положения каждого из выделенных направлений. Делается вывод о том, что основной тенденцией осмысления проблемы речи и письма в западной философии является интеллектуальное движение от рассмотрения письма как чего-то второстепенного и запаздывающего во времени по сравнению с речью к восприятию письма как вполне самостоятельного феномена и как принципиального условия, делающего возможным всякую членораздельную речь.

Ключевые слова: речь, письмо, язык, мышление, философия.

В западной философии существует богатая исследовательская традиция, восходящая еще к античной эпохе, которая фокусирует свое внимание на проблеме осмысления глобальных метафизических связей между устной речью и письмом. Основной тенденцией в разворачивании рефлексии по поводу данной проблемы является интеллектуальное движение от рассмотрения письма как чего-то второстепенного и запаздывающего во времени по сравнению с речью к восприятию письма как вполне самостоятельного феномена и, более того, как принципиального условия, делающего возможным всякую членораздельную речь. Возрастающая актуальность подобной рефлексии связана с историческим ростом значения письма, как основной техно-

логии работы с информацией вообще и как главного механизма передачи культурного и социального знания.

В пределах настоящей статьи предметом нашего анализа станут особенности современного этапа развития данной проблемной области (причем в современность здесь мы будем включать XIX и XX вв.).

В целях обеспечения максимального удобства рассмотрения указанной проблематики выделим несколько базовых и наиболее интересных направлений в той области современной философии, которая собственно и занимается изучением сущностных корреляций между речью и письмом (с обозначением их важнейших представителей). Основанием предлагаемой ниже классификации послужит

указание на характерное для каждой точки зрения фундаментальное толкование содержания понятия «язык» как он есть по себе:

- 1) деятельностное направление (В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня, И.А. Бодуэн де Куртенэ);
- 2) семиологическое направление (Ф. де Соссюр, Г. Гийом, Э. Бенвенист, Ю.М. Лотман);
- 3) постсемиологическое направление (Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, У. Эко);
- 4) аналитическое направление (Г. Фреге, Б. Рассел, Д. Остин);
- 5) коммуникативное направление (Л. Витгенштейн, К.-О. Апель, Ж.-Ф. Лиотар);
- 6) герменевтическое направление (М. Хайдеггер, Г. Гадамер, П. Рикер);
- 7) феминистское направление (Д. Моултон, А. Най).

Обозначим в самом общем виде наиболее принципиальные положения каждого из названных направлений.

Деятельностная теория языка исходит из понимания его как специфической деятельности, как процесса, который инициируется участвующими в нем людьми в двух смыслах: во-первых, язык тут рассматривается как орган, «образующий» мысль, как инструмент материализации всякого интеллектуального действия; во-вторых, здесь утверждается, что язык задает закономерности развития соответствующей национальной культуры, во многом определяя поведение ее представителей. Следовательно, язык в качестве деятельности будто бы являет собой, с одной стороны, единственное адекватное воплощение деятельности человеческого разума как такового, а с другой стороны, сущностное выражение работы того или иного «национального духа» [10, с. 69–74]. Причем считается, что этот дух через язык еще и детерминирует характеристики и особенности интеллектуальной деятельности своих носителей.

В качестве основной формы так понимаемого языка в деятельностном направлении его исследования рассматривается звук, то есть речь. В. фон Гумбольдт пишет: «Звук возникает в нас, как трепетный стон, и исходит из нашей груди, как дыхание самого бытия... Любой язык в полном своем объеме содержит все, превращая все в звук» [10, с. 76, 82]. А.И.А. Бодуэн де Куртенэ утверждает: «Язык есть комплекс членораздельных и знаменательных зву-

ков и созвучий, соединенных в одно целое чувством известного народа» [6, с. 77].

Что же касается письменности, то единственная ее признанная заслуга состоит, по мнению представителей данного направления, в том, что именно она делает возможной «железную работу мысли», поскольку без книг «едва ли кто и теперь был бы способен к сколько-нибудь продолжительным и плодотворным усилиям ума» [17, с. 119].

Очень показателен в этом отношении, например, тот факт, что даже когда фон Гумбольдт рассуждает о таких литературных, а следовательно, письменных (в рамках современной ему культуры) формах, как поэзия и проза, он делает это так, как будто речь идет обо все еще устной традиции, как будто мы «говорим» поэзию и прозу. При этом письмо выводится тут же опять в качестве записанной устной речи, предназначение которой сводится к сохранению поэзии и прозы для будущих поколений [10, с. 183–195].

Возникновение семиологического направления в исследовании языка (данное направление названо нами семиологическим, так как здесь язык в целом рассматривается как социально и культурно обусловленная знаковая система) связано, прежде всего, с именем Ф. де Соссюра. Для сформулированной им концепции языка, имевшей в свое время революционное значение для лингвистики (поскольку в рамках данной концепции впервые были очень четко разграничены понятия языка как специфической целостности знаков и речи как состояния осуществления языка), были характерны следующие положения:

1) язык не имеет никакого субстанциального, сущностного содержания, он не находится ни в каких отношениях с «естественным положением вещей», с бытием;

2) язык не есть деятельность говорящего, человек всегда получает его в полностью готовом виде;

3) язык является автономной системой знаков, выражающих понятия, причем эта система основана «на иррациональном принципе произвольности знака» [20, с. 52, 54, 114, 165].

В отношении же интересующей нас проблемы исследования взаимосвязей между устной речью и письмом де Соссюр высказывался вполне определенно, сравнивая язык

в целом с листом бумаги, лицевой стороной которого является мысль, а обратной стороной – звук, и тем самым уже традиционно выводя письмо как нечто вторичное [20, с. 145]. Кроме того, он подчеркивал двойную «ущербность» письма: с одной стороны, оно «не всегда точно передает фонетическое звучание речи», а с другой стороны, оно порождает некоторые устойчивые иллюзии, заставляющие порой принимать логику письма за подлинную логику языка (по Соссюру, это – совершенно разные вещи, поскольку письмо есть система знаков, абсолютно отличная от истинной системы знаков языка, получающей адекватное воплощение только в речи и служащая исключительно для визуального изображения последней) [20, с. 71–72]. Следовательно, существует необходимость в определенной системе мер предосторожности перед угрозой «иллюзий письменности».

В то же время де Соссюр отмечал тот факт, что по большей части мы можем в полном объеме получить представление о том или ином языке только в письменной форме, и с сожалением констатировал невозможность «полного отвлечения от письменности», однако, значение такого положения дел не было осознано им в достаточной степени [20, с. 62]. Тем не менее следует заметить, что именно благодаря трудам де Соссюра проблема письма как вполне самостоятельного феномена впервые прозвучала настолько отчетливо.

В дальнейшем различные последователи, единомышленники и критики Ф. де Соссюра значительно переработали и видоизменили его идеи. Так, например, Г. Гийом обратил внимание на то, что язык не только актуально осуществляется в актах говорения, но и потенциально присутствует в самом говорящем в виде психического процесса, который «произошел в нас в неопределенном прошлом, о чем в нас нет ни малейшего воспоминания» [9, с. 20]. Следовательно, по мнению Гийома, в основании человеческой языковой способности лежат различные психические механизмы и системы.

Такое видение проблем языка позволило Гийому сформулировать концепцию «трех возможностей словесного высказывания» человека, то есть мысленной, устной и письменной возможностей. В рамках данной концеп-

ции Гийомом устанавливается некое подобие между мысленной и письменной возможностями (вследствие их «беззвучности») [9, с. 138]. Однако, замечает далее исследователь, различие устной и письменной возможностей высказывания теряет свое значение в языках с хорошо развитым фонетизмом и правилами словесного выражения, сохраняя его только в неморфогенетических, буквенных языках (например, в китайском языке), где письменная возможность словесного выражения даже занимает преимущественное место по сравнению с устной.

Э. Бенвенист видел свою основополагающую задачу в том, чтобы преодолеть тот дуализм мышления и языка, который, по его мнению, был свойственен взглядам де Соссюра, и рассмотреть язык как логос (в духе античной философии) в единстве речи и разума. Он писал: «Язык воспроизводит действительность. Это следует понимать вполне буквально: действительность производится заново при посредничестве языка. Тот, кто говорит, своей речью воскрешает событие и свой связанный с ним опыт... Язык – это членораздельный язык, заключающийся в совокупности органически упорядоченных частей и формальной классификации предметов и процессов» [2, с. 27]. В то же время Бенвенист сознательно устраняется от необходимости разрешения проблемы письма, признавая за этим «трудным вопросом» право на самостоятельное специальное исследование [2, с. 75], что, конечно же, говорит об осознании им высокой степени значимости данной проблемы в целом.

Ю.М. Лотман на материалах истории русской культуры вообще и русской литературы в частности рассматривает оппозицию понятий «письменное» – «разговорное» и приходит к выводу о социальной предзаданности общей ориентации русского литературного письменного языка и разговорной речи, отмечая при этом их взаимопроницаемость и в то же время не сводимость друг к другу. Наиболее ярким примером гармоничного сочетания «достоинств» письма и речи, по мнению Лотмана, является творчество А.С. Пушкина [13, с. 7–8; 21].

Для постсемиологических концепций языка характерны, прежде всего, следующие утверждения:

1) сфера языковой деятельности человека является областью действия игры означа-

ющих, находящихся в процессе непрерывной и неизбежной самоорганизации, то есть в процессе перманентной реконструкции;

2) слова языка, озвученные в речи, не означают ничего конкретного, являясь пустыми знаками, симулякрами, за которыми не скрываются никакие сущностные содержания, никакие означаемые, и которые собственно симулируют те или иные значения [3, с. 113; 4; 5, с. 107, 116];

3) границы того культурного интеллектуального пространства, в котором постоянно пребывает человеческое сознание, очерчиваются не речью, а определенными совокупностями письменных текстов, которые, таким образом, и детерминируют сам процесс смыслообразования.

По сути данный подход переворачивает то видение исследуемой проблематики, которое предлагал де Соссюр (собственно, поэтому мы и называем его постсемиологическим). Так, например, Ж. Деррида утверждал, что, во-первых, сама идея знакового отображения, а также идея о «превосходстве» речи над письмом не могли возникнуть до появления письма, и, следовательно, идея первичности речи, ее непосредственной близости к «душе», к бытию, к мышлению, родилась из письма, позднее и после него [11, с. 165], а во-вторых, что в рамках современной письменной, печатной культуры в принципе нет ни одного содержания, которое могло бы ускользнуть от игры означающих отсылок, что, иначе говоря, в современной культуре любое означаемое *всегда уже* функционирует как означающее, то есть вообще означаемое всегда вторично по отношению к означающему, и, следовательно, речь по отношению к письму (поскольку уж письмо предшествует самой возможности речи) [11, с. 120, 125; 24, с. 57].

По большому счету одним из основных «достижений» постсемиологического направления в анализе проблем языка является «открытие» возможности создания особой науки о письме (под «письмом» здесь подразумевается не только собственно письменность, но и вообще любая графически оформленная внятная артикулированность), грамматологии. Предполагалось, что данная наука, обнаруживая свою «позитивность» в «тщательном разыскании» по поводу письма, сможет поспособствовать пере-

осмыслению понятия языковой деятельности вообще, а равным образом и выведению на качественно новый уровень представлений о феномене письменности [11, с. 117–118].

Аналитическая концепция языка сложилась в ходе осмысления проблемы соотношения между составляющими процедуры мышления и их вербальными выражениями, то есть в ходе исследования по поводу проблемы значения, понимаемой как проблема направленного к определенным философским целям (речь идет об обосновании возможности устранения из сферы мысли неразрешимых, а по сути бесполезных философских проблем) *анализа* языка, как проблема вероятного «прояснения», «уточнения» языка посредством различных его преобразований [16].

Так, по мнению Г. Фреге, мысль изначально формируется в пределах понятий языка. Он рассматривает мысль как часть утвердительного предложения, точнее, как смысловую определенность «утверждения как такового» [22, с. 55]. И в этом контексте становится ясным следующее его высказывание: «Тот, кто мыслит, не создает мыслей: он должен принимать их такими, как они есть» [22, с. 75]. Таким образом, в определенной степени процесс вербализации совпадает с мышлением. При этом Фреге различал «смысл» как всю полноту значения выражения и собственно «значение» в узком смысле этого слова, то есть «значение» как ту часть «смысла», которая может быть сопоставлена с другими «значениями» того же «смысла».

В целом же для аналитиков было характерно отождествление значения того или иного высказывания со способом проверки этого высказывания на осмысленность, истинность или ложность. При этом часть аналитиков рассматривала значение как отношение слова к действиям, на которые разлагается процесс «употребления» этого слова (Б. Рассел), и часть – как совокупность определенных отношений внутри той или иной структуры сочетаний слов (Д. Остин).

В аналитической концепции языка также различаются две его основные формы – устная и письменная [18, с. 66]. Считается, что обе эти формы могут быть рассмотрены как средства превращения нашего личного опыта в опыт социальный и как средства выражения

субъекта, однако, письмо отличается от речи, во-первых, большей степенью «постоянства во времени», а во-вторых, значительной степенью «дискретности в пространстве» [18, с. 67]. Устная речь изменчива и мобильна, в то время как письменность, раз выразив тот или иной образ, хранит его неизменным и, следовательно, позволяет рассуждать об его источнике, как о «единой квазипостоянной субстанции», что «хотя и неверно, но зато удобно в повседневной жизни» [там же, с. 68].

Такая позиция по большому счету означает, что именно письменность является главной причиной появления тех «туманных» философских вопросов, борьбе за устранение которых и должно было быть посвящено то «прояснение» языка, о необходимости которого говорили аналитики. В целом следует заметить, что аналитическая концепция языка, хотя и в ином контексте, воспроизводит сосюрровское отношение к письменности, как к источнику опасных иллюзий, мешающих адекватному восприятию действительности.

Коммуникативная теория языка, которая по сути отчасти является «идеологическим» приемником аналитической концепции языка, опирается на акцентирование его значения как средства общественной коммуникации и способа передачи социального опыта. В центре исследовательского внимания создателей данной теории располагается понятие «языковых игр», каковые рассматриваются в качестве своеобразного единого комплекса языка и действия. Л. Витгенштейн сформулировал это отношение следующим образом: «Термин “языковая игра” призван подчеркнуть, что говорить на языке – компонент деятельности или форма жизни» [7, с. 90]. Таким образом, можно сказать, что языковая игра – это всегда какая-то жизненная ситуация, в которой слова играют. Слова, следовательно, обязательно соотносятся с ситуацией, не имея отвлеченного значения. «Именованьем вещи, – пишет тот же Витгенштейн, – еще ничего не сделано. Вне игры она не имеет имени» [7, с. 103]. Поэтому «язык – это лабиринт путей. Ты подходишь с одной стороны и знаешь, где выход; подойди же к тому самому месту с другой стороны, ты уже не знаешь выхода» [там же, с. 163].

К.-О. Апель дополнил рассуждения Витгенштейна. По его мнению, языковой игрой

является вообще любой вид человеческого поведения, включающий в себя «понимание смысла», то есть языковая игра «имплицитует как непосредственное понимание мира (=ситуации), заключающееся в “подразумевании чего-либо”, так и интенции непосредственного миропонимания, выражающиеся в поступках и трудах людей» [1, с. 87]. Следовательно, человек, субъект всегда находится внутри той или иной языковой игры или даже целого набора языковых игр, будь то игры науки, религии, искусства, политики и т. п.

В силу же того обстоятельства, что современный мир может быть рассмотрен, прежде всего, в качестве мира информации, то есть в качестве мира операционализированного и переведенного в определенные количества информации знания, в качестве мира, где любая социальная коммуникация осуществляется в конечном итоге как информационная коммуникация [12, с. 17–20], значение и роль письменности в рамках современной культуры многократно возрастают (ведь информация как фактор современной реальности неотделима от феномена письменности). Именно письмо сейчас все в большей степени обеспечивает функционирование в культуре множества способов легитимации социального опыта.

Таким образом, в коммуникативной теории языка письменность постепенно начинает рассматриваться в качестве важнейшей (и во многом определяющей) составляющей существования современной культуры.

Возникновение герменевтического толкования языка связано, прежде всего, с именем М. Хайдеггера. В своей фундаментальной работе «Бытие и время» он рассматривает язык и речь в единстве следующих представлений:

1) язык есть феномен, укорененный в «экзистенциальном устройстве разомкнутости присутствия»;

2) речь является онтологическим фундаментом языка;

3) основная функция речи состоит в артикуляции понятности *вот*, следовательно, «расположенная понятность бытия-в-мире выговаривает себя как речь»;

4) в речи в форме возможности содержатся слышание и молчание;

5) первоочередной задачей всякого философа языка должно стать «освобождение

грамматики от логики», то есть разграничение речи как следствия понимания и речи как говорения, соблюдающего принципы логики высказываний [23, с. 187–194].

Идеи Хайдеггера относительно языка получили оригинальное развитие в трудах Х.-Г. Гадамера и П. Рикера. Так, Гадамер, рассуждая о самой возможности феномена понимания, по сути выводит язык в качестве принципиального условия его осуществления. Именно язык, по мнению Гадамера, очерчивает пространство герменевтического опыта, то есть пространство, которое объединяет все наши интерпретирующие отношения к миру. И, собственно, как таковой, герменевтический опыт сбывается в разного рода текстах. Следовательно, здесь письменность в каком-то смысле приобретает значимость онтологического явления, то есть явления, благодаря которому реализуется понимание как оно есть [8].

Сходную идею высказывает и Рикер, заявляя, что вообще «понимание самого себя» субъектом возможно только посредством знаков, символов и (письменных) текстов. Тексты же задают определенные дискурсивные пространства, «структурированные» теми или иными «интригами», в которых воплощаются «творческие способности языка» и благодаря которым «цели, причины, случайности сопрягаются во временном единстве целостного, завершенного действия» [19, с. 7].

Феминистская теория языка основывается, прежде всего, на отрицании факта его социальной и гендерной нейтральности. Так, по мнению Д. Моултон, язык всегда функционирует в определенных культурных контекстах, которые наполняют слова языка соответствующими смыслами вне зависимости от желания того или иного отдельного носителя языка. Она утверждает: «Нельзя понимать значение слова лишь на основании того, что хотел вложить в него говорящий в конкретном случае. Значение слова, помимо прочего, включает в себя его ожидаемую интерпретацию, его функционирование среди других слов и его употребление в лингвистических процессах, таких как рассуждение» [14, с. 263].

А. Най идет еще дальше и ставит задачу создания особой феминистской лингвистики. Возможность этой акции она связывает с существованием некоего «женского языка»,

разрушающего «ту семантику и синтаксис, которые исторически связаны с подчиненным положением женщин» [15, с. 270]. Этот женский язык одновременно есть голос библейского Змия, бросившего вызов власти Яхве. По мнению Най, ни одна из существовавших до сих пор концепций языка еще не предпринимала попытки услышать этот «страстный» голос. Она вопрошает: «Хотя бы один теоретик языка уловил ту силу слов Змия, которая подвинула Еву к бунту, или то желание, которое Змий вложил в свои слова?» [15, с. 271]. На деле же лингвистике и философии языка следовало бы заняться не только «грамматической компетенцией» и «генеративной семантикой», но и эмоциональным тоном высказываний, силой их выражения, а также их значением для социальных и политических институтов угнетения.

Согласно концепции А. Най, речь следует рассматривать как инструмент борьбы женщин за свои права, в частности, за право не быть более «безмолвными», за право «женского желания» быть выраженным вне пределов системы установленных господствующим «мужским» языком понятий [15, с. 275].

Однако наиболее отчетливо «женская» точка зрения Змия может быть выражена не в устной, а в письменной форме, в письменных текстах, созданных стремящимися к освобождению женщинами, в «женском письме». Следовательно, можно заметить, что в рамках феминистской теории языка феномен письма постепенно приобретает значение важнейшего инструмента политической и идеологической борьбы против всех видов дискриминации.

Таким образом, можно видеть, что в настоящее время проблемы языка в целом, а также проблемы взаимосвязи его устной и письменной форм являются достаточно актуальными для западной философии. Все более привлекательной в глазах современных философов выглядит задача осмысления письменности как вполне самостоятельного и неустрашимого элемента нашей жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апель, К.-О. Трансформация философии / К.-О. Апель. – М. : Логос, 2001. – 344 с.

2. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 448 с.

3. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М. : Добросвет, 2000. – 390 с.

4. Бодрийяр, Ж. Симуляция и симулякры / Ж. Бодрийяр // Современная литературная теория. Антология. – М. : Флинта : Наука, 2004. – С. 258–270.

5. Бодрийяр, Ж. Соблазн / Ж. Бодрийяр. – М. : Ad Marginem, 2000. – 318 с.

6. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке // Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию. В 2 т. / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 1. – С. 47–77.

7. Витгенштейн, Л. Философские исследования // Витгенштейн, Л. Философские работы. В 2 ч. / Л. Витгенштейн. – М. : Гнозис, 1994. – Ч. 1. – С. 75–319.

8. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод / Х.-Г. Гадамер. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.

9. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом. – М. : Прогресс, 1992. – 224 с.

10. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 2000. – 400 с.

11. Деррида, Ж. О грамматологии / Ж. Деррида. – М. : Ad Marginem, 2000. – 512 с.

12. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – СПб. : Алетейя, 1998. – 160 с.

13. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 464 с.

14. Моултон, Д. Миф о нейтральности слова «man» / Д. Моултон // Женщины, познание и реальность: Исследования по феминистской философии. – М. : РОССПЭН, 2005. – С. 252–269.

15. Най, А. Глас Змия: французский феминизм и философия языка / А. Най // Женщины, познание и реальность: исследования по феминистской философии. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. – С. 270–288.

16. Остин, Д. Значение слова // Остин, Д. Избранное / Д. Остин. – М. : Идея-Пресс : Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 308–326.

17. Потенбня, А. А. Слово как средство апперцепции // Потенбня, А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык / А. А. Потенбня. – М. : Лабиринт, 1999. – С. 99–122.

18. Рассел, Б. Человеческое познание: его сфера и границы / Б. Рассел. – М. : ТЕРРА – Книжный клуб : Республика, 2000. – 464 с.

19. Рикер, П. Время и рассказ. В 2 т. Т. 1. Интрига и исторический рассказ / П. Рикер. – М. ; СПб. : Университетская книга, 1998. – 313 с.

20. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М. : Прогресс, 1977. – С. 31–273.

21. Успенский, Б. А. Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры // Успенский, Б. А. Избранные труды. В 2 т. Т. 2. Язык и культура / Б. А. Успенский, Ю. М. Лотман. – М. : Гнозис, 1994. – С. 331–466.

22. Фреге, Г. Мысль: логическое исследование // Фреге, Г. Избранные работы / Г. Фреге. – М. : Дом интеллектуальной книги : Русское феноменологическое общество, 1997. – С. 50–75.

23. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – Харьков : Фолио, 2003. – 503 с.

24. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – СПб. : ТООТК «Петрополис», 1998. – 432 с.

REFERENCES

1. Apel K.O. *Transformatsiya filosofii* [The Transformation of Philosophy]. Moscow, Logos Publ., 2001. 344 p.

2. Benvenist E. *Obshchaya lingvistika* [The General Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1974. 448 p.

3. Baudrillard J. *Simvolicheskiy obmen i smert* [The Symbolic Exchange and Death]. Moscow, Dobrosvet Publ., 2000. 390 p.

4. Baudrillard J. *Simulyatsiya i simulyakry* [Simulation and Simulacres]. *Sovremennaya literaturnaya teoriya. Antologiya* [Modern Literary Theory. Anthology]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2004, pp. 258-270.

5. Baudrillard J. *Soblazn* [The Temptation]. Moscow, Ad Marginem Publ., 2000. 318 p.

6. Boduen de Kurtene I. A. *Nekotorye obshchie zamechaniya o yazykovedenii i yazyke* [Some General Notes About Linguistics and Language]. *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniiyu. V 2 t.* [Selected Works on General Linguistics. In 2 vols.]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1963, vol. 1, pp. 47-77.

7. Wittgenstein L. *Filosofskie issledovaniya* [The Philosophical Studies]. *Filosofskie raboty. V 2 ch.* [Philosophical Works. In 2 Parts]. Moscow, Gnozis Publ., 1994, part 1, pp. 75-319.

8. Gadamer Kh.G. *Istina i metod* [The Truth and the Method]. Moscow, Progress Publ., 1988. 704 p.

9. Guillaume G. *Printsipy teoreticheskoy lingvistiki* [The Principles of Theoretical Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1992. 224 p.

10. Humboldt V. von. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected Works on Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 2000. 400 p.

11. Derrida J. *O grammatologii* [On Grammatology]. Moscow, Ad Marginem Publ., 2000. 512 p.

12. Lyotard J.F. *Sostoyanie postmoderna* [The Postmodern Condition]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 1998. 160 p.

13. Lotman Yu.M. *Vnutri myslyashchikh mirov* [Inside Thinking Worlds]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ., 1999. 464 p.
14. Moulton D. Mif o neytralnosti slova “man” [The Myth About the Neutrality of the word “Man”]. *Zhenshchiny, poznanie i realnost: Issledovaniya po feministской философии* [Women, Cognition and Reality: Research on Feminist Philosophy]. 2005, pp. 252-269.
15. Nye A. Glas Zmiya: frantsuzskiy feminizm i filosofiya yazyka [The Voice of the Serpent: French Feminism and the Philosophy of Language]. *Zhenshchiny, poznanie i realnost: issledovaniya po feministской философии* [Women, Cognition and Reality: Research on Feminist Philosophy]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2005, pp. 270-288.
16. Ostin D. Znachenie slova [The Word Meaning]. *Izbrannoe* [The Selected Works]. Moscow, Ideya-Press: Dom intellektualnoy knigi Publ., 1999, pp. 308-326.
17. Potebnya A.A. Slovo kak sredstvo appertseptsii [Word as a Means of Apperception]. *Polnoe sobranie trudov: mysl i yazyk* [Complete Collection of Works: Thought and Language]. Moscow, Labirint Publ., 1999, pp. 99-122.
18. Russell B. *Chelovecheskoe poznanie: ego sfera i granitsy* [Human Knowledge: Its Scope and Limits]. Moscow, TERRA – Knizhnyy klub, Respublika Publ., 2000. 464 p.
19. Riker P. *Vremya i rasskaz. V 2 t. T. 1. Intriga i istoricheskiy rasskaz* [Time and Narrative. In 2 vols. Vol. 1. Intrigue and Historical Narrative]. Moscow, Saint Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 1998. 313 p.
20. Saussure F. de. Kurs obshchey lingvistiki [The Course of General Linguistics]. *Trudy po yazykoznaniiyu* [Works on Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1977, pp. 31-273.
21. Uspenskiy B.A., Lotman Yu.M. Spory o yazyke v nachale XIX veka kak fakt russkoy kultury [Disputes About the Language in the Beginning of the 19th Century as a Fact of Russian Culture]. *Izbrannye trudy. V 2 t. T. 2. Yazyk i kultura* [Selected Works. In 2 vols. Vol. 2. Language and Culture]. Moscow, Gnozis Publ., 1994, pp. 331-466.
22. Frege G. Mysl: logicheskoe issledovanie [Thought: Logical Study]. *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Moscow, Dom intellektualnoy knigi: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo Publ., 1997, pp. 50-75.
23. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and Time]. Kharkov, Folio Publ., 2003. 503 p.
24. Eco U. *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu* [Absent Structure. Introduction to Semiology]. Saint Petersburg, Petropolis Publ., 1998. 432 p.

THE PROBLEM OF CORRELATION BETWEEN SPEAKING AND WRITING IN MODERN PHILOSOPHY

Khlebnikova Olga Vladimirovna

Candidate of Philosophic Sciences, Associate Professor,
Department of History, Philosophy and Cultural Studies,
Omsk State Transport University
hlebnikova_ov@mail.ru
Prosp. K. Marksa, 35, 644046 Omsk, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the reflection on the problem of correlation between oral and written speech in modern Western philosophy. In order to ensure the maximum convenience of research process, the author reveals a few important directions – dynamic, semiological, postsemiological, analytical, communicative, hermeneutical and feminist directions. The basis of the proposed classification is the fundamental interpretation of the concept of language, peculiar for each point of view. The article deals with the main theses of mentioned directions. The author makes conclusion that the principal trend of reflecting the issue of correlation between speaking and writing in modern Western philosophy is represented by the intellectual movement from the consideration of writing as a secondary thing versus speaking, to comprehension of writing as an independent phenomenon and fundamental condition of any articulate speech.

Key words: speaking, writing, language, thinking, philosophy.